

6. ГОСТ СТВ 7.60–2005. Выданиі. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні. – Узамен СТВ 7.60 – 93 ; увед. 2005–08–01. – Мн. : Бел ДІСС, 2005. – 52 с.
7. ГОСТ 7.60–90. Издания. Основные виды. Термины и определения. – Взамен ГОСТ 7.60–78 ; введ. 1991–01–01. – М. : Изд-во стандартов, 1990. – 18 с.
8. ГОСТ 16447–78. Издания. Основные виды. Термины и определения. – Взамен ГОСТ 16447–70 ; введ. 1979–07–01. – М. : Изд-во стандартов, 1978. – 9 с.
9. ГОСТ 16447–70. Издания. Основные виды. Термины и определения. – Введ. 1971–01–01. – М. : Изд-во стандартов, 1970. – 4 с.
10. ГОСТ 7.83 – 2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. – Введ. 2003–03–01. – М. : Изд-во стандартов, 2003. – 16 с.
11. МС ИСО 5127/2–83. Документация и информация : словарь терминов. Ч.2. Традиционные виды документов : пер. с фр. – Введ. 1983–12–15. – Киев, 1987. – 26 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭЛИТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ЕЕ НАСЛЕДНИКОВ XVI – НАЧ. XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНЫХ, АРХИВНЫХ И КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

*Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук,
профессор Гродненского государственного университета им. Янки
Купалы*

чевидно, что степень решения поставленной проблемы будет во многом определяться как информационными возможностями ее “источникового поля”, так и эффективностью корректно применяемых в работе с источниками исследовательских методов и приемов. Каковы в этом отношении потенциальные ресурсы исследуемых нами основных видов источников для реконструкции изучаемых исторических явлений? С первого взгляда картина представляется достаточно благополучной. Основной источниковый фонд во всей его видовой, структурной разноликости (белорусско-литовские и украинские летописи XVI–XIX вв., общественно-политическая и религиозная публицистика XVI–XX вв., эпистолярный, исторические сочинения XVI–XX вв., записи богатого белорусского и украинского фольклора, законодательство в сфере культуры, периодическая печать XVIII–XX вв., библиотечные и рукописные собрания цельных исторических комплексов документов, сложившихся в процессе деятельности лю-

дей и учреждений, изучавших историю ВКЛ, Беларуси и Украины и др.) начиная с XVI в. и до наших дней все интенсивнее входит в научный оборот историка-исследователя белорусского и украинского прошлого. При всей относительной многочисленности в отечественной историографии исследований такого рода нельзя не отметить, что степень внимания к историографическим источникам у ученых XIX–XX вв. к различным видам источников разнится, и очень существенно. Многие виды источников – причем не только “традиционные” для историографа (мемуары, периодика), но и фольклорные, произведения художественной литературы и искусства – остались вне поля зрения историков исторического знания и источниковедов. Но в ракурсе задач нашей проблемы даже не это главное! Самое существенное то, что анализируемые источники не интересовали наших предшественников как источники и факты историографические, как эвристические информационные “ниточки”, позволяющие распутывать “узелки” исторической памяти восточнославянских элит ушедших веков. И, наконец, еще один, на наш взгляд, существенный пробел, присутствующий в работах наших предшественников: ими не была предпринята попытка взглянуть на появление новых видов источников как на закономерный процесс смены различных модификаций форм исторической памяти в ходе “кристаллизации” новых типов культур в Восточной Европе. Отсюда вытекает, как минимум, два важнейших следствия: 1) необходимость разработки типологии историографических источников, образующих информационное “пространство” нашего исследования; 2) активное привлечение профессиональной “орудийной” технологии, отработанной в сфере исследования социальной исторической психологии. Ибо первое, с чем сталкивается историк при изучении источника, – это связанность с личностью его творца. Его взгляд на мир налагают ощутимый отпечаток на текст источника. Обращение с ним требует от исследователя серьезных усилий по расшифровке структуры мышления, чувств, мировосприятия создателя источника и той социально-культурной среды, в которую он был “включен”. Поскольку то, с чем встречается в историческом источнике современный исследователь, не вещи, явления и события, а представление о них определенных людей, их образы, переработанные в соответствии с правилами их культуры, речь может идти о выяснении универсального мироощущения этих людей, выращенных иной культурой. В соответствии с таким пониманием природы исследуемого источника и должна проводиться его историографическая “расшифровка” и постановка вещей на свои первоначальные места. В противном случае неизбежен грех исторического “модернизма”, наделение исторического сознания человека ушедшей эпохи атрибутикой, присущей сознанию нашего современника. К сожалению, этот грех не изжит многими белорусскими и украинскими историками и в наши дни. Какие группы источников могут представлять для исследователя этой темы наибольший интерес в плане их информационных воз-

возможностей? Или, как говорят источниковеды, какие из источников будут в этом отношении наиболее репрезентативны? Наш опыт работы по изучению белорусской историографии и исторической ментальности элит XVI – нач. XX вв. привел к выводу о том, что максимальный эффект “информационной отдачи” историограф получит от шести основных комплексов источников, сгруппированных близостью происхождения, функциональной ролью в социально-историческом и текстовом пространстве, видовыми особенностями: 1) периодическая печать; 2) мемуары и близкие к ним дневники; 3) делопроизводственная документация XVI – нач. XX вв.; 4) фонды лично-семейного происхождения (в особенности архивные фонды историков и людей с ярко выраженным интересом к истории и исторической рефлексией); 5) “собственно историографические” источники (труды историков, научных учреждений и обществ исторического “профиля” и др.); 6) исторически сложившиеся книжные собрания представителей интеллектуальной и политической элиты восточнославянского мира ВКЛ и их наследников (в первую очередь, белорусов и украинцев и частично великорусов западной части европейской России XIX – нач. XX вв.).

Из обзора основных групп источников по исследуемой проблеме видно, что информационное “поле” восточнославянской историографии ВКЛ XVI – нач. XX вв., оказавшее существенное влияние на формирование исторического менталитета ее элит даже с учетом огромных документальных потерь, связанных с войнами и революциями XIX и XX стст., выглядит весьма представительным и перспективным как в плане его исследовательской разработки, так и в возможности реализации ряда исследовательских проектов историографического и историко-культурологического характера. Первым среди них следует признать проект создания серии публикаций под общим названием “Белоруссика. Памятники исторической мысли”. Вторым – создание и публикацию сводного каталога документального (архивного) наследия историков ВКЛ, Беларуси и Украины XVI–XX вв. Третьим – создание и публикацию библиографического исследования “Историки ВКЛ, Беларуси и Украины XVI – нач. XX вв.” с максимально полным учетом как опубликованных трудов этих ученых, так и работ, посвященных их личности и творческому наследию. И, наконец, четвертым – разработку типологии историографических источников с целью выявления их источниковедческой, информационной репрезентативности. Успешная реализация последнего проекта позволила бы внедрить в учебный процесс и практику историка-культуролога Беларуси и Украины новое научное направление – “Источниковедение историографии”, “Источниковедение интеллектуальной истории”.

В результате проведенного анализа вышеназванных видов и групп источников авторы пришли к следующим концептуальным выводам:

– Изучение и анализ источниковой историографической ин-

формации, дошедшей до нас от столетий “литовской” эпохи истории восточнославянских народов ВКЛ, позволяет говорить о двух основных этапах в становлении их исторического менталитета в XVI–XVIII вв.

– 1-й – XVI в. (“эпоха перехода”) – период формирования идеи гражданского патриотизма, существенно отразившейся в сфере исторического сознания восточнославянских народов ВКЛ, начало формирования светской феодальной (шляхетской) и городской исторических версий “видения” своего исторического прошлого, время активного проникновения в сферу исторической ментальности восточнославянской элиты ВКЛ интеллектуального инструментария деятелей европейского Возрождения и Реформации.

– 2-й – XVII–XVIII ст. (“время становления истории как науки”) – эпоха прогрессирующего процесса секуляризации светской исторической мысли и светского типа сознания из недр клерикальной историографической традиции и традиционного христианского средневекового понимания предназначения истории.

– Источники этого периода дают основание фиксировать процесс “кристаллизации” и отпочкования в рамках светской культуры двух типов исторического менталитета: шляхетского, образованного меньшинства, элитарного (формировался под определенным воздействием идеи Просвещения) и традиционного – народного, фольклорного.

– В рамках изученного периода идея этнического “Я” не занимала господствующего места в системе исторических представлений населения ВКЛ (гораздо в большей степени на характер исторического мышления влияли факторы социальной и конфессиональной идентификации).

– Процесс превращения исторических знаний в историческую науку XVIII в. для ВКЛ был определяющим. Это наука к концу XVIII ст. говорила, писала и думала на польском языке. Преобладание польской культурной доминанты ощущалось не только в шляхетской культуре ВКЛ, но и в униатской.

– В условиях целенаправленной политики правящих кругов Речи Посполитой на свертывание сферы применения белорусского языка и “русинских” культурных, политических традиций в общественной и государственной жизни державы “литвинский” патриотизм не мог вызвать энтузиазма, а рассматривался правительственными кругами государства и просветителями-реформаторами скорее как проявление местного, регионального сепаратизма – помехи в деле реформирования Речи Посполитой.

– История ВКЛ, Беларуси и Украины в тот период не могла стать основным объектом исследований местных ученых-историков, а рассматривалась как некий “региональный” вариант общей судьбы и общего Отечества – единого “польского народа – шляхты”.

– Разделы Речи Посполитой открыли новую полосу в существовании белорусской и украинской культур и их составной части – исто-

рической науки. Началась их постепенная переплавка в “тигле” российской государственности, культуры и историографии.

Изучение российской историографии XVI–XVIII вв. (как летописно-хронографического, так и научного периодов) показывает, что интерес к истории ВКЛ в официальной идеологической концепции правящих кругов Российского государства опирался на идею исторического единства культурных, политических и конфессиональных традиций восточных славян. На протяжении всего рассматриваемого периода (с возрастающей интенсивностью во времена Ливонской войны, Смуты, войны Московского государства и Речи Посполитой 1653–1667 гг., эпохи разделов Речи Посполитой) российское правительство и российская официальная историография подчеркивали, что они выступают единственными законными преемниками древнерусского политического, культурного и церковно-религиозного наследия.

Научное изучение исторического прошлого ВКЛ в российской историографии и российском образованном обществе начинается в конце XVIII века (Н. Н. Бантыш-Каменский, Н. И. Новиков, Г. Кошисский).

Проблемы истории ВКЛ интересовали украинскую историографию XVI–XVIII вв. и ее элиту, как правило, только в том случае, если они “выходили” на наиболее важные для понимания украинского исторического процесса проблемы украинской истории (проблема формирования и судьбы украинского казачества; проблема взаимоотношений унии и православия; влияние политического контекста ВКЛ на формирование традиций украинской государственности второй половины XVII – нач. XVIII вв.).

Основной идеей работы, отражающей авторскую концепцию формирования восточнославянских историографий ВКЛ XVIII – нач. XX вв. и восточнославянских элит – наследников культурных традиций ВКЛ, является положение о том, что в них в рамках этого периода происходит коренная эволюция парадигм. Белорусская и украинская историографии ВКЛ и историческое сознание восточнославянских элит по преимуществу “шляхетские” (по своему социальному профилю), “краевые” (по предмету исследования) и “билингвистичные” (по типу исторического сознания) в конце XVIII – нач. XIX вв. к концу XIX – нач. XX вв. становятся историографиями национальными, выдвинувшими на авансцену исторического рассмотрения судьбу народа, а не государства и его правящей элиты. Определяющая роль в направлении развития белорусской, украинской и великорусской историографий ВКЛ, своеобразии основных этапов, пройденного ими исторического пути принадлежит политическому фактору (политика правительства царской России и вызванные ею неоднократные изменения социально-политического контекста, в рамках которого развивались белорусская и украинская культура этой эпохи).

Время, прошедшее от разделов Речи Посполитой до начала Пер-

вой мировой войны и осуществления великой утопии, связанной с Октябрьской революцией, сравнительно небольшой период даже для жизни народа. Для жизни возрождающихся белорусской и украинской наций это всего лишь исторический миг, но такой бурный и до предела насыщенный историческими событиями, способными круто изменить не только русло судьбы отдельной человеческой личности, но народов и государств. Три восстания, четыре войны, три революции, бурно пройденная историческая дистанция от государства дворянской диктатуры до государства “диктатуры пролетариата”, выход на арену сознательной исторической деятельности пяти поколений российской интеллигенции очень быстро меняли силовое поле развития белорусской, украинской и великорусской культуры конца XVIII – нач. XX столетий. Составные их части, белорусская, украинская и великорусская историография ВКЛ, и исторический менталитет восточнославянских элит не могли не отразить в своем движении хода этих изменений, масштабных явлений переломной для судеб страны эпохи.

Развиваясь в рамках полуторавекового спора разнонаправленных историографических потоков (шляхетского, официально-охранительного, либерального и демократического, народнического), они напряженно искали свой образ, свое место в системе славянских историографий XIX – нач. XX вв. И в зависимости от политической и идеологической ориентации этих потоков находили их то в растворении и подчинении великодержавной идее единой Речи Посполитой или Великой России и Империи как составная и неотъемлемая ее часть (“западноруссизм”), то в открытии своего собственного национального и культурного исторического “Я” (белорусские и украинские народники, демократы), попытке создания народной, а не государственной историографии.

Роды белорусской и украинской национальных историографий ВКЛ были искусственно заторможенными имперской политической системой. И все же ребенок родился и, быстро пройдя возрасты детства и отрочества, вступил в пору юношеских напряженных раздумий и историографической рефлексии о месте белорусов и украинцев в мировой семье народов, о пройденном ими историческом пути и перспективах их развития в будущем. По сравнению с первой половиной XIX века значительно расширились горизонты исторического видения белорусской и украинской историографий ВКЛ начала XX века, изменилось содержание объекта и предмета исследований. Историческая наука, интересовавшаяся по преимуществу историей политической и конфессиональной, обратила свое внимание на историю социальных отношений, крестьянства, белорусского и украинского города, белорусской и украинской культуры. В рамках ее структуры наметилось выделение “отраслевых” отделов, без данных и методов которых малопродуктивно реалистическое постижение исторических факторов, явлений и самого исторического процесса в целом (историческое краеведение, историческая

география, этнография, археология, археография и архивоведение, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины). С помощью российской либеральной, университетской исторической науки белорусская и украинская историография ВКЛ были неплохо оснащены для дальнейшего изучения прошлого своего народа. И хотя по темпам и степени профессионального созревания белорусская историография ВКЛ еще отставала как от великорусской, так и украинской, накопленный ею потенциал был достаточным для дальнейшего ее развития в режиме “автономного плавания”. Белорусская историография начала XX века была похожа на выросший, но еще не распустившийся цветок, лепестки которого быстро открываются навстречу первым лучам восходящего солнца. Но вместо этих лучей грядущие годы несли кровавые катаклизмы первой мировой и гражданской войн, в очередной, который уж по счету, раз в истории поставивших судьбу белорусского народа и его культуру на грань национальной катастрофы.

Главенствующая роль в определении направлений развития восточнославянских историографий ВКЛ и восточнославянских элит – наследников его культурных традиций, специфики основных этапов пройденного ими исторического пути принадлежит социально-политическому фактору (политика правительственной России в сфере культуры и идеологии). Поэтому в развитии восточнославянских историографий ВКЛ “российского периода” их существования можно выделить 4 основных периода: 1) XVIII – первая треть XIX в. (типичные его черты: превращение исторических знаний в историческую науку; определяющее воздействие польской культуры в сфере исторического сознания; источниковедческое открытие ВКЛ, Беларуси, Украины); 2) 30–50 гг. XIX в. (время оформления первых концептуальных подходов в освещении истории ВКЛ, Беларуси, Украины; активный сбор информации о территориях бывшего ВКЛ и Беларуси правительственной Россией; начало противостояния двух взглядов на историю ВКЛ, Беларуси, Украины (великодержавно-польского и великодержавно-русского)); 3) 60–80 гг. XIX в. – период оформления в России “западноруссизма” как определяющего направления в формировании исторического образа белорусского и украинского прошлого в исторической науке империи и сфере массового исторического сознания; 4) конец 80-х гг. XIX в. – нач. XX в. – период становления либерального и народнического (демократического) направлений в историографии ВКЛ, Беларуси и Украины, формирования белорусской и украинской историографий как историографий национальных.

Исследование информационных историографических “полей” по данной проблеме позволяет однозначно утверждать, что к началу XX в. историческая “литванистика” (история ВКЛ) оформилась как особое авторитетное направление в рамках общероссийского, культурного и научного контекста (были созданы научные университетские школы по проблемам истории ВКЛ; разработаны ключевые

чевые проблемы истории этого государства; написаны синтезные фундаментальные труды на основе позитивистской методологии истории). Нарботанные концепции и информация по истории ВКЛ активно включались в создание моделей национально-культурного возрождения в сфере национально-культурной политики. Она стала своеобразным историографическим полигоном, на базе которого в XX в. конструировался национально-генетический концепт понимания исторического процесса у белоруссов и украинцев.

ЧТЕНИЕ СТУДЕНТАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ТРУД И ТВОРЧЕСТВО

Булацкая Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой мировой литературы Белорусского государственного университета культуры и искусств

Книга и читатель... Библиограф-просветитель Н. Рубакин утверждал, что их можно выразить формулами. А. Ахматова считала, что “каждый читатель, как тайна, как в землю закопанный клад”, а Эразм Роттердамский зывал к взявшему в руки книгу: “Читая, ты должен все основательно продумывать, чтобы прочитанное обратилось в твою плоть и кровь, а не было сложено в одной памяти, как в каком-либо словаре”.

Книгу и читателя связывает писатель. А литературу творят не одни гении. И читают литературу не одни гении. И волей судьбы ли, таланта ли право на жизнь обретают лишь 10 книг из тысячи и 1–2 становятся бессмертными. Значит ли это, что читать много – лишь время тратить? Совсе нет. Отобрать зерна от плевел, увидеть в художественной литературе искусство, приобрести культурный багаж способен овладевший навыками вдумчивого чтения, приемами эстетического восприятия, духовной культуры читатель. Для него чтение художественной литературы – серьезный труд, часто материал для основной работы.

Приобщение к труду чтения, обучение всем приемам восприятия прочитанного играет очень важную роль, особенно сегодня, когда у печатного слова есть мощные конкуренты в лице телевидения и бурно прогрессирующего Интернета. Современные студенты читают мало, многие из них признаются в неумении анализировать текст. Они отмечают, что читают книги или для времяпрепровождения, или